

НАРЕКАЦИ В ОЦЕНКЕ РУССКОЙ КРИТИКИ

ЕЛЕНА АЛЕКСАНИ

Могучая фигура армянского гениального поэта-страстотерпца, поэта-философа, мыслителя и богослова Григора Нарекаци подобно Прометею возвышается над культурой Средневековья, поражая до сих пор мужеством и мятежностью своей подвижнической жизни и поэзии, наводя мосты из прошлого в будущее. Поистине невозможно, читая огненные строки Нарекаци сегодня, не почувствовать смятения духа, стремления возвыситься над самим собой. Нарекаци сам формулирует власть своей знаменитой книги над читателем: "Исцели души тех, кто читает ее с сердцем чистым!"

Он современен, этот гениальный поэт X в., ибо поднимал проблемы сути и смысла человеческой жизни, долга и ответственности человека за свое существование на земле, современен, ибо истово искал и жаждал истины и справедливости, которая может быть дарована людям, только если они пройдут через страдание и искупление. Нарекаци впервые обратился к внутреннему миру человека, мыслящего и страдающего. Основа Нарека — душевный мир человека, вступившего в диалог с Богом, который для него "абсолютная совесть мира". Тем самым поэт выразил со всей мощью своего художественного дара и веры самые сокровенные чувства своих соплеменников, обогатив национальное самосознание, подняв армянскую художественную мысль на уровень высших достижений человечества.

Было бы величайшей несправедливостью, если бы Нарекаци остался известным только армянам, если бы его весомый вклад в духовную сокровищницу мировой культуры остался незамеченным из-за языкового барьера. Но очевидно, есть и действуют все же законы высшей справедливости. Впервые отрывок из XIII главы "Книги скорбных песнопений" был переложен на русский язык в 1810 г. Иосифом Иоаннесовым. Однако серьезный подход к открытию и оценке наследия Нарекаци был совершен, конечно же, В. Я. Брюсовым. "В стихах Григория Нарекского, — писал Брюсов, — религиозное чувство соединяется с истинным поэтическим вдохновением, и многие аллегорические гимны этого поэта остаются прекрасными, независимо от их богословского толкования"¹.

Более полноценное и всеобъемлющее приобщение к поэтическому подвигу Нарекаци произошло во второй половине XX в., благодаря за-

¹ В. Б р ю с о в. Поэзия Армении и ее единство на протяжении веков. — В кн.: "Брюсов и Армения". Ереван, 1988, с. 89.

мечательным переводам Л. Миля, Вл. Микушевича и Н. Гребнева, которые были инициированы энтузиастом науки, академиком Левонем Мкртчяном. Нужно читать Нарекаци в подлиннике, чтобы представить и оценить подвижнический труд и переводческий талант этих авторов, сделавших почти невозможное, нашедших раскаленной лаве и водопаду страстной поэтической речи Нарекаци, его проникновенной исповеди и горячей проповеди достойно-адекватное выражение. И все-таки главное было впереди.

После появления на свет русских переводов, русского звучания чеканного золота стихов Нарекаци необходимо было найти и применить объективные оценочные критерии к его изучению, нужно было включить его поэтические откровения в сферу уже известных и апробированных научных и художественных идей, ввести их, не модернизируя и не унифицируя, в уже выработанный научный кругозор, нужно было осмыслить и попытаться объяснить общее и особенное в творческом наследии армянского поэта, открыть миру блистательную уникальность его художественных откровений. Удивительно прозорливо и точно высказывание в этой связи Льва Озерова: "Книга скорбных песнопений" — достояние армянского народа. Но пути к пониманию ее, истину мы должны искать сообща, выходя за национальные рамки"². Это непреложно, и насколько удался такой совместный поиск, можно судить по достаточно глубоким и разноаспектным подходам к явлению Нарекаци со стороны русских критиков и переводчиков — серьезных исследователей творчества великого армянского поэта. Хочется подчеркнуть участие в литературоведческом дискурсе на равных самих переводчиков, которые предварили перевод фундаментальным, тщательным исследованием художественного текста, тем самым обеспечив успех своей нелегкой миссии.

Естественно, речь идет не только и не просто о литературоведческих или философских оценках в узком смысле значений, а о рассмотрении художественных идей Нарекаци в контексте мирового художественного развития, до разъясняющих или бросающих дополнительный свет на творения других национальных гениев. Нельзя сказать, что аргументация того или иного утверждения критиков безупречна, можно спорить о пантеизме и мистицизме поэта, книга Нарекаци дает необозримое поле для гипотез самого многообразного толка. Это касается и отношений его с властью, его смелых библейских интерпретаций, отношения к тондракийскому движению, наконец, его религиозных взглядов, связанных с монофизитством его народа. Все эти борения духа отразились в его поэтических сентенциях, в его стремлении спасти мир и жизнь своей души, через всеобъемлющее слово выстрадать гармонию, познать истину, которую жаждет душа, являющаяся в сущности моделью мира. В этом смысле и обращения к Богу есть по существу обращения

² Л. О з е р о в. Поэзия души скорбящей. — В кн.: "Читая Нарекаци". Ереван, 1997, с. 119.

к человеку, "ко всем возрастам человеческого рода, проживающим во всех концах земли, ко всем представителям общества от раба до царя, от крестьянина до князя"³.

Истина познается в сравнении. И при взгляде на исследование феномена Нарекаци с позиции поисков аналогов или просто близких философских и художественных решений, поражает многообразие спектра сближений — от Библии, Августина, Нила Сорского и Аввакума до Вийона, Гоголя и Достоевского, не говоря уже о Шекспире, — огромный диапазон, где-то и в чем-то настораживающий своей пестротой и разбросом, но в целом все-таки приемлемый, ибо поистине грандиозны замысел и воплощение великой книги, в которой ее автор пытается через себя, через свой диалог с Богом отмолить грехи своих современников, понять причины душевного разлада, самоотверженно взять на себя одного вину всех, веря истово, что через страдание можно прийти к торжеству совершенства и гармонии. "Цветы искупления за грехи, — по Нарекаци, — выращиваются дождем, пролитым на ниву души".

Исследователи особо подчеркивают максимализм армянского поэта, не знающего пощады к самому себе, не имеющего предела самобичевания, когда речь идет о суде совести и ответственности перед Богом. Зато наградой должно быть приближение к божественному, ибо человек — вершина божеского творения — "дивное украшение его венца". Ст. Рассадин, которому принадлежит одна из наиболее глубоких статей о Нарекаци, сравнивает его отношения с Богом с таковыми у Державина, тонко просматривая их близость в ощущении своего бытия через бытие Бога. Как и Державин, Нарекаци в конечном счете приходит к самоутверждению, избирая, однако, свой путь — через бескомпромиссное и полнейшее самоосуждение. Причем, как мы уже отметили, самоосуждение это особого рода, во имя возрождения, и прежде всего не себя, а других. На примере сравнения строк Нарекаци с псалмом Давида Рассадин подчеркивает эту основную черту Откровенного Слова армянского поэта. Нарекаци, — указывает Рассадин, — отсылает к псалму Давида очередной виток своего самобичевания: "Со мной кто сравнится в злодеянии?"⁴ На самом же деле в Псалтыри сказано: "Кто восстанет *за меня* против злодеев? Кто станет *за меня* против делающих беззаконие?" Разница принципиальная. Через сердце армянского поэта не просто проходит трещина мира (вспомним Гете), эта трещина оборачивается кровоточащей раной, исцеление которой возможно лишь при самом беспощадном суде собственной совести и выстраданности надежд на исцеление.

Интересен в этой связи и сопоставительный ряд, выстроенный Л. Милем. Анализируя "Исповедь" Августина и Руссо, а также "Книгу Екклесиаста" и стихи Катюлла, он, вслед за Рассадиным, преследует ту

³ Цитируется здесь и далее по книге "Григор Нарекаци. Книга скорби". Перевод Н. Гребнева. Ереван, 1977.

⁴ С т. Р а с с а д и н. Плюс десять веков. — "Читая Нарекаци", с. 33.

же цель: выявить самобытность Нарекаци. "Но если Катулл, — пишет он, — эгоцентрик, который утверждает свое "я", то Нарекаци... уничтожает свое греховное я"⁵. Далее уместно сравнение Нарекаци с Гоголем, который, как и армянский поэт, проецирует грехи и на своих героев, обвиняя, однако, во всем только себя. "Герои мои, — писал Гоголь, — потому близки душе, что они из души... взявши дурное свойство мое, я преследовал его в другом званье и на другом поприще, старался себе изобразить его в виде смертельного врага"⁶.

Вл. Микушевич основное внимание уделяет двойственности поэта и видит в этом стремление к целостности, в самоуничтожении — проблеск надежды на спасение, в исповеди — проповеднические мотивы, в его нравственной ответственности — понимание закона свободы и справедливости, который восторжествует, донеся до людей заветную правду:

Хоть плоть моя и обратится в прах,
Но речь моя во прах не превратится...
Я совершаю праведное дело,
Слова — моя душа, пергамент — тело.

Сквозь средневековые пути пробиваются всходы гуманистического мировоззрения, мировидения, явные знаки опережения гениальным поэтом своего времени. О том же свидетельствует бесконечный, как сама жизнь, проходящий через всю Книгу диалог Нарекаци с Богом, в котором он являет себя не только смиренным иноком, но и поднимающим свой голос философом и мыслителем, обращающимся к Богу на равных: "Умножаются сокровища Твои, когда Ты их раздаешь, но не когда их бережешь, накапливаются запасы Твои, когда их разбрасываешь, а не когда копишь!" Более того, Нарекаци восклицает:

"И что страшнее всего вымолвить.
То я пишу здесь в этой книге,
По обретении благодати твоей,
Я мог бы даже Богом стать".

Очень важный вывод делает Микушевич, когда анализируя "я" поэта, как оно выразилось в Книге, утверждает, что понимание личности у Нарекаци выше и значительнее обособленной судьбы индивида. Человеческое самосознание поэта достигает таких высот, где нет человека, непричастного другому и другим, где страдание ведет к состраданию. Отсюда принципиальная разница, как считает Микушевич с "Часословом" Рильке, с "Песнями о себе" Уолта Уитмена, ибо песнь Нарекаци не о себе, а о них, о человеческих судьбах, сопричастных его судьбе. Человек, в которого поэт верит, покаянием восстанавливает свою человечность, ведь каяться значит и роптать на свою недостойную судьбу, и

⁵ Л. М и л ь. Се-человек. — "Читая Нарекаци", с. 75.

⁶ Н. В. Г о г о л ь. Избранные статьи. М., 1980, с. 151.

такой покаянный ропот служит объединению людей. Нарекаци идет дальше, считая, что все отдельные "я" грешны, а их единство свято. Это единство и есть народ. Сближение позиций Нарекаци и Достоевского здесь напрашивается, и очевидное единодушие в построении этой параллели всех ведущих критиков оправданно и закономерно. В самом деле, как считает Достоевский, Бог есть синтетическая личность всего народа. И значит Бог есть в каждом человеке, который верой и покаянием может обрести спасение в единении. В этом одно из откровений и армянского поэта.

Нарекаци не стал бы великим поэтом, согласно отмечают его русские исследователи, если бы, как и великий русский писатель, не понял, сколь сложен путь спасения — через сомнения, противоречивые борения совести, от которых не уйти:

Словно зверь в западне
Мой супостат во мне.

О том же изумительный по красоте образ:

Два солнца с двух сторон,
одно из них черно,
Другое — палит огнем.

Дух бунтарства победительнее духа смирения и, как считает Озеров, — "осознание своего несовершенства и стремление преодолеть его делает человека динамичным по отношению к статичному явлению Бога"⁷. В этом он находит важное открытие Нарекаци.

Русская литературная критика уделяет важное место и тому, как сделана Книга Нарекаци. Мастерство армянского гения, особая художественная энергия слова является предметом ее пристального внимания, ибо суть и форма неразделимы. И здесь Брюсов был первым: "Тригор Нарекаци, — писал он, — довел до высокого совершенства форму стихов, любовно культивируя звукопись задолго до того, как она расцвела в лирике персидской и арабской"⁸. В сфере научного наблюдения С. Аверинцева⁹ оказываются секреты поэтики Нарекаци. Прежде всего, его интересует, как поэту удастся добиться того, что авторское "я" приобретает способность "впускать в себя "я" оппозиции и чужое "я", сломать средостение между "я" и не "я". Лавина слов, их великое множество, считает ученый, дает возможность поэту как бы выйти за пределы слова, он осознает свою власть над словом: "Сила духа равна силе слова". Нарекаци виртуозно пользуется поэтикой патети-

⁷ Л. О з е р о в. Указ. раб., с. 126.

⁸ В. Б р ю с о в. Указ. раб., с. 89.

⁹ С. А в е р и н ц е в. Роскошь узора и глубины сердца. — "Читая Нарекаци", с. 138.

ческого нанизывания слов, находясь в русле традиции Откровенного Слова и выходя за ее пределы благодаря сокрушительности страстей и эмоций в его уникальном обращении к Богу. Нарекаци мастер антитезы, синонимии, образной символики, виртуозно владеет гармонией слова и ритма. Его слово звучит как хорал Баха, писал об этом Э. Межелайтис¹⁰. И не случайно на слова Нарекаци был написан хоровой концерт А. Шнитке.

Поистине Книга Нарекаци — гимн творческому слову, вобравшему в себя шекспировскую мощь скорби и боли, веры в Бога и человека, ответственность за все на свете, надежду на исцеление, ибо целительно уже само Слово, обращенное к Богу-творцу и, что очень важно с точки зрения Нарекаци, к божественному началу в каждом человеке. Воистину "Книга эта вместо моего тела. И слово это вместо моей души", — лучше самого автора не скажешь о его великом детище.

Уход от традиционных для своего времени решений, открытия и откровения в сфере человеческого духа и веры, смелость подходов к самым сложным и животрепещущим вопросам бытия и смысла человеческой жизни, — таковы грани духовного богатства книги, по-новому открытые русской критикой, сделавшие русское прочтение Нарекаци плодотворным и эффективным.

Приведенный сопоставительный ряд философов, богословов, писателей, корреспондирующих с Нарекаци, выпукло, зримо, рельефно и убедительно представляет самобытность поэзии Нарекаци и вместе с тем ее общность с художественными и философскими исканиями мирового масштаба.

Понятно, что художественное наследие Нарекаци многие годы изучалось армянскими литературоведами преимущественно в контексте многовекового развития самой армянской литературы. Армянское нарекациведение отличало обстоятельное изучение его эпохи, связей его поэтического наследия с армянской художественной традицией, однако, без глубоких выходов за ее пределы. Подключение к этому постоянно действующему процессу доузнавания и дешифровки творений гениального писателя Средневековья русской критики плодотворно, прежде всего, расширением интертекста, богатством и убедительностью художественных параллелей и сопоставлений, дающих возможность поэзии Нарекаци обрести свое место в мировом художественном процессе. Таким образом, самобытность и уникальность великого художника армянского средневековья предстает в еще большей характерности и масштабности, восполняя проблемы в нашем понимании и видении движения художественной мысли человечества в один из самых сложных исторических периодов развития и, в целом, как общего

¹⁰ Э. Межелайтис. Тревожный, как Бахов хорал. — "Читая Нарекаци", с. 15–18.

достояния мировой культуры. Нарекаци, как резюмировала русская критика, преодолел трагическое противоречие средневекового сознания, где по словам Аверинцева "естественное стремление души борется с церковной аскезой". Дух Нарекаци выигрывает поле битвы, религия любви побеждает религию страха"¹¹.

И все-таки последним должно быть слово самого Нарекаци о своей великой Книге:

Будет рассказана она племенам
И проповедана народам мира,
Будет высечена она на вратах разума
И запечатлена у порога чувств,
И словно живая, будет говорить за меня,
Исповедуя земные грехи мои.
И хотя придет конец и моих дней,
Но вечной жизнью этой книги
Буду жив и я.

¹¹ С. А в е р и н ц е в. Указ. раб., с. 133.